

"Ну?" - спросил Джузеппе Ардмор, и Тобин Манишевич покачал головой.

"Ты не школьница, и это не твоя первая вечеринка, Джузеппе," - строго сказал он, но Ардмор только усмехнулся.

"Может быть и нет, но это не значит, что я не смотрю вперед. По крайней мере, если все пройдет хорошо."

Манишевич снова покачал головой. Последнее предложение было запоздалым и не слишком искренним. Не то чтобы ни он, ни Ардмор могли бы мечтать уехать без разрешения; у их работодателей был отвратительная привычка показательно расправляться с людьми, которые так поступали.

Идея пришла в голову именно тебе, так что будет лицемерием сдерживать... энтузиазм Джузеппе. Так почему это тебя так беспокоит?

"Почему ты так лично принимаешь это?" - спросил он вслух.

"Кто сказал, что я принимаю это лично?" - огрызнулся Ардмор.

"То, что ты так занят размышлением о будущем," - ответил Манишевич, точно понимая теперь, почему энтузиазм партнера так его беспокоил. "Меня не очень волнует весь клан Бентон-Рамирес-и-Чоу, а ты ведешь себя так, как будто у тебя в вакуумном шлеме сидит новотехасский москит. Если мы облажаемся с этим - если мы оставим хотя бы намек на возможность идентифицировать нас, прежде чем мы выбросим тело и снова уйдем отсюда - мы будем настолько чертовски мертвыми, что анализатор ДНК не сможет нас найти, и мне не нравится, когда кто-то в столь рискованной операции засовывает голову слишком глубоко в задницу, потому что ожидает личной расплаты. Так что с тобой и с этим парнем?"

"Правильно, я его не люблю," - сказал Ардмор через мгновение. "Он и его семья уже много веков заставляют нас лезть из шкуры, и мне это не нравится. Мне не нравится его самодовольное, высокомерное отношение - как будто он намного умнее и лучше любого из нас. Он - боль в нашей заднице, и она станет еще больше, если мы что-то с этим не сделаем, и я не собираюсь притворяться, что раздавить, как жука, любого Бентон-Рамирес-и-Чоу - и особенно этого - не будет очень приятно."

"Нет, это что-то большее." Манишевич уселся на один из стульев в номере, его глаза стали жесткими. "У тебя есть личная причина хотеть яйца этого конкретного парня, и я хочу знать, какова она. Давай, Джузеппе."

Ардмор впился в него взглядом, но Манишевич только откинулся назад, ожидая. Он не возражал против небольшой личной мотивации, если она может помочь выполнить работу, но слишком сильная мотивация - или слишком личная мотивация - была хорошим способом облажаться. И любые прискорбные маленькие неудачи здесь, на Беовульфе, могли иметь фатальные последствия для людей, которые в них участвовали.

"Хорошо," - наконец сказал Ардмор, нахмурившись. "Три года назад в Нью-Денвере у меня была небольшая... стычка с чертовым КБР."

"В Новом Денвере?" Глаза Манишевича сузились. "Новый Денвер? На Старой Земле?"

"Нет, на Андромеде! Конечно на Старой Земле!"

"Что, черт возьми, ты делал на Старой Земле?!"

Манишевич был потрясен. Он и Ардмор иногда работали вместе в течение последних десяти или пятнадцати Т-лет, прежде чем стали более или менее постоянной командой пару лет назад, но никогда в Солнечной системе. Вообще их работодатели обычно очень старались не проводить операции с его участием на материнском мире. Генетическое рабство процветало в недрах Лиги, скрытое коррупцией, которую большинство защищенных жителей Миров Центра никогда не видели и не знали, и Рабсила старалась избегать всего, что могло бы заставить ее выйти на свет там, где ее могли бы увидеть.

"Если бы начальство хотело, чтобы ты знал об этом, они бы, наверное, рассказали тебе, не так ли?" - прорычал Ардмор. Потом покачал головой. "Послушай, ты хочешь знать, что за личные счета с Бентон-Рамиресом-и-Чоу? Я скажу тебе! Мы были в Нью-Денвере, чтобы убить Фэйрмон-Сольбаккен."

"Вы собирались убить Орель Фэйрмон-Сольбаккен?" - спросил Манишевич. Это становилось все хуже и хуже! Орель Фэйрмон-Сольбаккен была главой делегации Беовульфа в Ассамблее Солнечной Лиги.

"Конечно," - нетерпеливо сказал Ардмор. "Беовульф только что заставил бюрократов дать согласие на размещение постоянного отряда Пограничного флота в Литтоне, и кто-то наверху был чертовски рассержен этим."

Манишевич должен был немного подумать, прежде чем он смог вспомнить систему Литтон. Это была маленькая, бедная, грязная, номинально независимая звездная система в нескольких световых годах от системы Сасебо... одного из терминалов эревоного узла гипертоннелей. И...?

"Говорят, они пытались создать базу на Литтоне?"

"Конечно пытались!" - фыркнул Ардмор. "Эревоны чертовски пугливы, когда дело касается работоторговли. Вероятно, это как-то связано с тем, что они находятся рядом с хевенитами и манти. Черт, насколько я знаю, у них есть "принципы"! Все, что я знаю, это то, что наверху посчитали, что небольшой тихий перевалочный пункт в Литтоне позволит им воспользоваться гипертоннелем Эревоны, не имея... товара на борту при прохождении эревоной таможни. Они могли пройти через гипер, сбросить груз в каком-нибудь отдаленном месте, например, в Силезии, отправиться домой через узел Мантикоры, совершенно чистыми проехать через Эревоны, забрать свежий груз в Литтоне, и доставить его клиентам целого сектора, достаточно далеко от Центра, чтобы никто не задал бы никаких вопросов. Затем развернуться и вернуться назад, промыть отсеки и повторить. Черт возьми, они могли бы даже забрать дополнительные легальные грузы по маршруту Эревоны-Мантикора! Во всяком случае, пока Беовульф не засунул свою палку в колеса. И, очевидно, Фэйрмон-Сольбаккен чертовски сильно давила на постоянных заместителей министров. Я всегда считал, что торговля сопровождается небольшим шантажом, но в этом случае я мог ошибаться. Но что я знаю наверняка, так это то, что Флот разместил в Литтоне отряд эсминцев и держал его там. Итак, начальство решило "послать сообщение" Беовульфу, и я и моя команда должны были его доставить."

"Очевидно, оно не было доставлено," - заметил Манишевич.

"Нет, раз ты его не заметил," - согласился Ардмор сдавленным голосом. "Для моей команды все кончилось плохо. Нас было одиннадцать, включая меня и моего партнера Герлаха, я единственный, кто остался жив. Каким-то образом на Беовульфе поняли, что их ждет, и

высадили на нас команду спецназа КБР прямо в центре Нью-Денвера. Я в это время пошел на разведку, когда я вернулся, все было так, как будто остальных никогда не существовало. Я не знаю, все ли они были убиты перед тем, как привели место в порядок, или некоторых из них утащили в убежище где-то на Старой Земле и сначала выкачали насухо. Я просто знаю, что они все уехали, и что этого маленького ублюдка Бентон-Рамиреса-и-Чоу, который "просто случайно" отдыхал в Нью-Денвере, когда прибыла Фэйрмонт-Сольбаккен, после этого нигде не было. Так что да, для меня это что-то личное, Тобин. У тебя проблемы с этим?"

"У меня вообще нет проблем, пока ты помнишь, что я старший в этой команде, и ты не позволяешь личному мешать выполнению работы. И пока ты помнишь, что убить его - не цель операции. Пока, по крайней мере."

"Да, я это помню." Улыбка Ардмора стала неприятной. "Потому что знаешь что? Не думаю, что это сработает. Я думаю, он вместо этого попытается схитрить, и когда он это сделает, они оба умрут. И это меня вполне устраивает, Тобин. Вполне."

* * *

Аллисон Чоу глубоко и ровно дышала, подошвы ее спортивных туфель хрустели о гравий, когда она направилась к последнему повороту тропы, прежде чем бежать обратно. Ей нравился парк Розалинды Франклин, особенно его беговые дорожки. Парк был разбит около двух тысяч лет назад, и праправнуки оригинальных дубов Старой Земли, которые были посажены давно умершими ландшафтными дизайнерами, были целых два метра в диаметре, их массивные ветви покрывали тропы густой зеленой тенью. Это было почти как бегать по дну одного из прудов с парчовыми карпами в парке, и вспышки солнечного света, проходящие через зазор в листве, были столь же яркими, сколь и ослепительными. И, помимо всех других достопримечательностей, вход с бульвара Уотсона и Крика находился менее чем в двух кварталах от ее квартиры. Это было ее любимое место для бега, а бег был одним из ее любимых занятий, когда ей было трудно думать.

Признайся, сурово сказала она себе, тебе придется с этим разобраться. Скорее всего, у тебя внутри черепа сорвался какой-то болт. Знаешь, у тебя всегда было яркое воображение! Одному Богу известно, что заставило тебя заикнуться на этом, но единственный способ избавиться от этого - поговорить с ним. Проведи с ним немного времени, а не просто сиди и думай о нем. Необязательно подходить к нему с соблазнительным взглядом, бить его по голове дубинкой и утаскивать. Тебе просто нужно... исследовать это и выяснить, черт возьми, что происходит, а затем что-то с этим делать или забыть об этом.

Она покачала головой и закатила глаза. Конечно. Это все, что ей нужно было сделать. Это имело смысл - или столько смысла, сколько могло иметь в данных обстоятельствах. Единственная проблема заключалась в том, что она никогда не слышала о подобных обстоятельствах, они не становились лучше и пугали ее не меньше.

Она перестала закатывать глаза и ненадолго закрыла их, затем снова открыла. Он все еще был там. Чувство было слабым, но она была уверена, что могла поднять руку и безошибочно указать в сторону Альфреда Харрингтона. И то, что оно слабело, на самом деле беспокоило ее еще больше, потому что ее квартира и кампус находились с противоположных сторон парка Розалинды Франклин. Это означало - если она не просто теряла рассудок и ей все это не казалось - что то, что она чувствовала, зависело от расстояния. Чем ближе она подходила к кампусу, тем сильнее становилось это чувство направления, как кусок астероида, дрейфующий в планетарный гравитационный колодец.

О, чудесное сравнение! сказала она себе. Все объясняет в двух словах, не так ли? Конечно, та темная вещь, которую ты чувствуешь, пугает тебя, но настоящая причина страха в том, что ты больше не отвечаешь за свои собственные чувства. Как будто что-то затягивает тебя против воли, заставляя думать о совершенно незнакомом человеке. Это не просто свидетельство возможного нервного расстройства - это предполагает какую-то... эмоциональную зависимость.

Она добралась до последнего поворота дорожки и повернулась назад, стараясь не морщиться, когда ощущение чьего-то присутствия изменило направление, как своего рода приводной маяк. Хватит, решила она. Когда она закончит утреннюю пробежку, придет время принять душ, переодеться, отправиться в кампус и пригласить лейтенанта Харрингтона разделить с ней чашку чая. По крайней мере, у нее будет шанс сесть напротив него за столом и узнать, воображала ли она все это или нет.

А что ты будешь делать, если выяснится, что ничего не было? спросила она себя, но не ответила на вопрос.

* * *

Альфред Харрингтон откинулся на спинку кресла на балконе своей квартиры, неэлегантно положив ноги на перила балкона, на столе рядом стоял бокал "Алессандра Фармс 1819". Вино в стиле гевюрцтраминер было приятным сюрпризом (для всего, кроме его банковского счета), когда он его обнаружил. Оно хорошо сочеталось с острой копченой беовульфской колбасой и кусочком острого чеддера на тарелке рядом со стаканом. Вино выдерживалось в бочках из местного красноствольного дуба, слегка обугленных изнутри, чтобы придать ему приятный дымный оттенок, подчеркивающий намек на аромат персика и личи.

Его глаза - и большая часть внимания - были прикованы к ридеру на коленях, где он просматривал записи своего последнего лабораторного сеанса с доктором Муо-чи. Конечно, крошечный уголок его сознания был где-то еще. Он следил за чьим-то местонахождением, как стрелка компаса, неизменно указывая туда. Однако Альфред изо всех сил старался игнорировать это, и на этот раз ему действительно удалось, по крайней мере, в некоторой степени. Помогло то, что доктор Муо-чи все еще знакомила его с существующими исследованиями, и чем больше он знакомился с ее работой, тем большее впечатление они производили на него. Не то чтобы что-то, что она придумала, предлагало решение, которое они оба искали, но глубоко внутри он знал, что вряд ли они когда-либо найдут "лечение" катастрофического разрушения, нанесенного нейробластером своим жертвам. Возможно, лучший ответ, который кто-либо когда-либо придумал - это дальнейшее совершенствование синтетических нервов, но наверняка должен был быть какой-то способ убедить человеческое тело регенерировать разрушенную нервную ткань?

Конечно должен, Альфред. Он снова потянулся за бокалом вина. Должен быть, раз уж ты так сильно хочешь, чтобы он был, не так ли?

Проблема заключалась в том, что, хотя современная медицина могла восстанавливать целые конечности у людей - за исключением того несчастного, но значительного меньшинства человеческой расы, для которого регенерация вообще не работала - она не могла регенерировать только определенные части этой конечности. Не было возможности вырастить "только" нервную ткань, мышцы или кости; это был процесс по принципу "все или ничего". Вот почему в остальном здоровую ногу, нервы которой были превращены в кашу нейробластером, например, приходилось ампутировать выше наивысшей точки нервного повреждения и, так сказать, регенерировать с нуля. Это явно было лучшим решением такой проблемы, но что делать врачу, если был поврежден спинной мозг? Трансплантация нервов была очевидным

решением, и она эффективно использовалась для менее важных участков нервной системы. Однако даже при использовании наилучшей хирургической техники всегда наблюдалась некоторая потеря функций, и то, что можно было терпеть в руке или ноге, нельзя было терпеть в спинном мозге. Синтетика была другим подходом, который зарекомендовал себя при повреждении конечностей у тех, кто вообще не мог регенерировать, но она тоже была далеко не удовлетворительной заменой исходного нерва и все проблемы с периферическими частями системы становились гораздо более выраженными, когда дело касалось спинного мозга.

И, что хуже всего, нейробластер оружейного типа не был точным оружием. Он поражал нервную ткань на большой площади. Действительно, его воздействие распространялось на нервную систему жертвы, а это означало, что попадание по ноге могло повредить спинной мозг - часто серьезно, даже без его полного разрушения, - вплоть до грудного нерва T10 спинного мозга. Попадания в туловище выше бедра почти всегда были смертельными, и даже те, которые не убивали, могли вызвать серьезную черепно-мозговую травму.

Если бы нам только оставалось с чем работать! Но нейробластер был специально разработан, чтобы идти по аксонам и вырывать их с корнем. Ничего не оставалось для регенерации, самостоятельной или под регенерирующей терапией. Но должен быть способ -

Его ридер перелетел через перила балкона, его бокал с вином разбился, ударившись об пол, и Альфред Харрингтон вскочил с кресла. Долю секунды он стоял, глядя на кампус. Затем выбежал с балкона, бросился через свою квартиру, остановившись только для того, чтобы открыть защищенный отпечатками пальцев личный сейф в своем шкафу, вытащить его содержимое и схватить легкую ветровку.

Три секунды спустя двое из его соседей обнаружили, что их бесцеремонно сбили с ног, когда два метра сфинксианских мышц и сухожилий проложили себе путь в гравитационную шахту.

<http://tl.rulate.ru/book/53453/1353305>